

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

© 1994 г., ЭО, № 3

М. М. Герасимова

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОСЕТИН

Этот очерк был задуман как сводка палеоантропологических данных с территории Северной Осетии. Однако при ближайшем рассмотрении имеющихся материалов оказалось, что со времени последней крупной публикации¹ по краниологии народов Кавказа и последней сводки данных² не произошло сколько-нибудь значительного накопления материалов, в корне меняющих наши представления о процессах расо- и этногенеза на Северном Кавказе, несмотря на значительные масштабы археологических исследований.

Исключение составляет период средневековья, по которому, напротив, накоплен значительный материал, датируемый концом 1-го — серединой 2-го тысячелетия н. э. Поэтому я отсылаю читателя, интересующегося ранними эпохами, к указанным выше работам и основное внимание сосредоточиваю на публикации и анализе именно этих новых материалов, рассматривая их под углом зрения этногенеза осетин.

Антропологическое изучение народов Кавказа, в частности их краниологии, насчитывает более 100 лет. При изучении фундаментальных работ В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Абдушелишвили, А. Г. Гаджиева, К. Х. Беслекоевой, В. П. Алексева и др. создается впечатление, что этапы формирования антропологических типов или комплексов на Кавказе и их генетические взаимоотношения достаточно изучены, вопросы этногенеза народов разработаны и т. д. Более пристальное внимание к проблемам происхождения отдельных народов сделало очевидным обманимость такого представления. Данные в работах картины этногенеза тех или иных народов имеют для некоторых периодов слабую фактологическую базу и поэтому могут быть прорисованы лишь пунктирно. В значительной степени это касается истории сложения осетинского народа.

Хотя со времени научной сессии, посвященной вопросам этногенеза осетинского народа, прошло почти 25 лет, некоторые аспекты его этнической истории остаются спорными, а имеющиеся противоречия в исторических и антропологических данных неустранимыми.

Исторический процесс на Северном Кавказе обстоятельно документирован археологическими и письменными источниками. Казалось бы, нет необходимости прибегать к палеоантропологическому материалу для решения исторических задач. Однако в условиях сложности и пестроты этнической картины здесь (как в древности, так и в настоящее время), нестабильности этнических границ, больших подвижек населения невозможно проследить генетическую преемственность населения и степень участия тех или иных групп в сложении отдельных племен и народностей без учета палеоантропологических данных.

Между тем только антропологические признаки обладают относительной независимостью от социально-исторической обстановки и известной стабильностью. Мозаика антропологических признаков складывается в специфические комплексы у каждого народа. И появление на какой-либо территории комплекса антропологических признаков, ранее не фиксируемых там, непременно говорит о пересе-

лении конкретной группы людей. Таким образом, палеоантропологические данные наиболее выигрышно могут быть применены в изучении взаимоотношений субстратного аборигенного и суперстратного пришлого населения в этногенетическом процессе³. Иначе говоря, палеоантропологические данные могут свидетельствовать о генетической преемственности населения и его относительной неизменности, в то время как другие исторические источники свидетельствуют о смене языка и культуры.

Языковая принадлежность осетин и значительное, выявляемое археологически влияние алан на культуру местных горских племен способствовали тому, что в советском кавказоведении сформировалось и господствует до сих пор (с некоторыми модификациями) гипотеза об аланском происхождении осетин. Согласно ей, аланы и ассимилированные ими горцы сложились в средневековую осетинскую народность, которая сохранила некоторые культурные аланские традиции и иранскую речь⁴.

Субстратной основой, на которой формировалась культура предков осетин, была кобанская культура. Однако эти общепринятые положения вступают в резкое противоречие с данными антропологии. Представлению о значительной роли аланского суперстрата противоречат данные по антропологии современного населения Осетии. Результаты исследования современного населения Кавказа говорят о большом генетическом сходстве осетин со своими кавказоязычными соседями⁵. Аланы же, судя по имеющимся палеоматериалам, были носителями совсем иного, нежели современные осетины, антропологического типа. Они отличались «...от предков осетин так, как только могут отличаться одна от другой две группы европеоидной расы»⁶.

В связи с этим представляется очевидным, что местный горский компонент не только принял участие в этногенезе осетин, но и сыграл в нем решающую роль. В основе этого утверждения лежит постулируемая В. П. Алексеевым идея широколищести и брахикрании автохтонов центральных предгорий Кавказа. Происхождение широколищитых массивных брахикранов так называемого кавкасионского варианта, зафиксированного и среди осетин, в свое время вызвало оживленную полемику⁷. И в течение многих лет проблема происхождения осетин дискутировалась в рамках более широкой проблемы происхождения кавкасионской группы популяций.

Объясняя антропологические особенности кавкасионцев консервацией археоморфных черт древнего населения горного Кавказа в условиях изоляции, В. П. Алексеев делает вывод, что «генетически осетины связаны не с иранским народом средневековья, от которого получили свой язык, а с местными кавказскими племенами». Однако эта гипотеза слабо подтверждена фактологически.

Дело в том, что известное нам наиболее древнее автохтонное население Осетии принадлежит к иному антропологическому типу, нежели современные осетины. Речь идет о черепках из могильников кобанской культуры Верхняя Рутха и Кобан, характеризующихся выраженной долихокранией, большими размерами длины головы, узким лицевым скелетом и общей грацильностью. Для более ранних эпох у нас нет данных об автохтонном населении центральных предгорий Кавказа.

Единичные находки эпохи энеолита и бронзы, а тем более описанная в литературе и составленная по данным Г. Ф. Дебеца, В. В. Бунака, В. В. Гинзбурга и В. П. Алексеева серия черепов рубежа 2-го — 1-го тысячелетия до н. э. с равнин Северного Кавказа вряд ли могут быть использованы для характеристики особенностей автохтонного населения. Такая генерализация данных, объяснимая в свое время отсутствием материалов и неразработанностью археологической атрибуции, абсолютно недопустима в условиях современного информационного взрыва в археологии бронзового века и отсутствия единства взглядов на особенности этнокультурного процесса на Северном Кавказе в эпоху бронзы.

Ориентируясь на особенности черепов упомянутой серии, В. П. Алексеев полагает, что в степных и предгорных районах Северного Кавказа обитало насе-

ление, которое отличалось относительной массивностью лицевого скелета. Оно поддерживало, по-видимому, не только активные культурные, но и брачные контакты с населением более северных районов, а также с популяциями, которые проживали в Восточной Европе и характеризовались значительной массивностью лицевого скелета и тенденцией к брахикрании⁸.

Судя по археологической литературе, взаимодействие собственно «кавказских» и «южнорусских» культурных общностей принимало различные формы, и роль этих взаимодействий в этногенетическом процессе отнюдь не однозначна. Во всяком случае двумя соображениями вряд ли можно пренебречь. Первое — археологические свидетельства миграции части населения майкопской культуры Прикубанья в центральные районы Северного Кавказа⁹. Второе — археологические данные о натиске во 2-м тысячелетии до н. э. на Северный Кавказ степных племен, особенно катакомбников. Возможно этот натиск был связан с передвижением индоиранцев из Поволжья в Переднюю Азию¹⁰. Именно поэтому указанная выше серия, в которую вошли черепа из катокмбных погребений у хуторов Веселый и Спорный на Маныче, а также череп майкопской культуры из Моздока 3-го тысячелетия до н. э., во-первых, не отражает всех особенностей автохтонного населения Северного Кавказа эпохи бронзы и, во-вторых, не может служить отправным пунктом для суждения о широколицести древнего автохтонного северокавказского населения.

Новая серия черепов кобанской культуры IX—VI вв. до н. э. (10 мужских и 5 женских) из знаменитого Тлийского могильника, изученная Р. С. Кочиевым*, не меняет нашего представления об основных особенностях древнего населения обоих склонов Кавказского хребта. Это тот же типологический ряд, и все черепа кобанской культуры отличаются длинной и высокой узкой черепной коробкой, высоким и узким лицом с сильно выступающим высоким и узким носом.

Если рассматривать особенности кобанских черепов на общем фоне синхронных серий 1-го тысячелетия до н. э. из Прикубанья и обоих склонов хребта, то выясняется преимущественное распространение варианта, характеризующегося высокоголовностью, длинной мозговой коробкой, узколицестью и узконосостью. Там же, где наблюдается тенденция к расширению лица и общей матуризованности (Николаевский могильник в Прикубанье) или тенденция к брахикрании (Моздокский, Усть-Лабинский, Чегемский курган-кладбище), мы имеем хорошо прослеживаемые археологические свидетельства иранских проникновений в кавказоязычную среду, скифских, а позднее сарматских¹¹.

Во всяком случае вопреки точке зрения В. П. Алексеева нет оснований говорить о привязанности широколицых и матуризованных форм именно к горной зоне. Имеющиеся данные заставляют признать, что та археологически выявляемая субстратная основа, на которой формировались антропологические особенности ряда кавказских народов, в частности осетин, представляла собой краниологический вариант, отличный от свойственного современным осетинам. Кроме того, особенности черепов из склепов Горной Осетии XVI—XVII вв. также не дают возможности связать их с современным населением Осетии.

Основу этих серий, изученных и сгруппированных В. П. Алексеевым соответственно территории расселения современных групп осетин, составляют коллекции, собранные главным образом В. В. Бунаком и Б. А. Куфтиным, а также К. Х. Беслекоевой и Ю. С. Гаглоевым. Черепа, изученные В. В. Бунаком, позволили ему сделать вывод о том, что преобладающим антропологическим типом населения ущелий Северной Осетии XVI—XVII вв. был понтийский, т. е. отличный от того, что свойственен современным осетинам. Серия же из раскопок Б. А. Куфтина, по мнению ее исследователя М. Г. Абдушлишвили, «явно не соответствует нашему представлению о кавкасионском типе вообще и об осетинах в частности»¹². Хотя автор и не отрицает ее сходства с другими современными

* Неопубликованные данные он предоставил мне для ознакомления, за что приношу ему свою благодарность.

кавказскими группами. К этой точке зрения, представляющейся убедительной, склоняется и А. В. Шевченко¹³. Он считает, что дигорцы и иронцы по признакам, характеризующим форму мозговой коробки, и ширине лица сопоставимы с адыгами, т. е. представителями иного, чем осетины, антропологического типа.

Особенности этих черепов таковы, что заставляют или усомниться в принадлежности склепов, откуда происходят черепа, предкам осетин, или признать значительное увеличение ширины лица и головы у современных осетин на протяжении двух последних столетий в результате расширения круга брачных связей из-за обратного переселения на равнину¹⁴. Высказанные другими авторами сомнения в возможности соотнесения особенностей склеповых черепов из Осетии с особенностями строения головы и лица современных осетин В. П. Алексеевым не принимаются во внимание.

Специфические краниологические признаки кавкасионского типа: чрезвычайно большую ширину лицевого скелета и некоторую его уплощенность в верхней части, четко выраженную брахикранию и чрезвычайно сильное развитие рельефа черепа В. П. Алексеев констатирует, исходя из склепового материала из Осетии. Он отмечает их полное сходство с черепами балкарцев, ингушей и хевсуров. Общепринятую поправку в 8 мм для скулового диаметра (при сравнении краниологических и соматологических данных) В. П. Алексеев считает заниженной и предлагает ее увеличить до 11 мм. Именно на эту величину, с его точки зрения, и различаются краниологические и соматологические наблюдения по осетинам¹⁵.

Между тем, по данным этого же автора, разница составляет от 5,2 мм у балкарцев и 7,7 мм у хевсуров до 10,5 мм у осетин-иронцев и 12,3 мм у осетин-дигорцев. Таким образом, лицо у средневековых осетин явно было более узким, чем лицо у современных и средневековых балкарцев и хевсуров. Не отличаются склеповые черепа «дигорцев» и «иронцев» и значительным рельефом. Во всяком случае, по данным В. П. Алексеева, черепа натухайцев, шапсугов и абхазов по степени развития надбровья превосходят черепа иронцев и дигорцев.

Еще одна характерная черта склеповых черепов — это их относительно небольшая высота от базиса, что не типично для горцев Кавказского хребта. Однако эта особенность остается вне внимания исследователей.

До недавнего времени единственным материалом, который подтверждал гипотезу о брахикрании и широколищести местного населения и имел аналоги с брахикранным матуризованным вариантом, выделяемым в составе современных осетин, являлась небольшая серия (4 мужских и 3 женских черепа) из каменных ящиков Херха в Дарьяльском ущелье. Большинство же известных средневековых серий с территории Северного Кавказа происходит из могильников, принадлежащих аланам, которые широко расселились по территории нынешних кабардино-Балкарии, Черкессии и Северной Осетии.

Преобладающим типом раннесредневекового населения был долихо- или мезокранный вариант с крупными размерами мозгового черепа и сравнительно узким лицом. Этот же вариант явно просматривается и в последующий период — сериях позднего средневековья из так называемых черкесских курганов¹⁶ и из упоминавшихся выше склепов Горной Осетии. На территории Северной Осетии, к сожалению, отсутствуют серии из катоконбных аланских могильников (кроме серии из Змейского могильника и Верхнего Джулата).

Исходя из идеи широколищести и брахикрании местного населения, В. П. Алексеев¹⁷ был склонен объяснить некоторые особенности черепов из ст-цы Змейской принадлежностью их местному населению. Поскольку данное утверждение находилось в очевидном противоречии с археологическими данными¹⁸, то делалось допущение о более интенсивной, чем это можно было предполагать по археологическим и историческим данным, метисации между аланами и горскими племенами. Последние исследования более представительных материалов из этого могильника¹⁹ позволяют утверждать, что серия из Змейской представляет собой механическую смесь антропологических вариантов, пеструю в расовом

отношении, что в общем-то специфично для городских некрополей, коим и является Змейский могильник.

Серия из Верхнего Джулата (11 мужских и 3 женских черепа) также происходит из городского некрополя. Верхний Джулат возник как аланское городище в X—XII вв. в Эльхотовских воротах, на пути из Закавказья на Север, и достиг наивысшего расцвета в XIV в., т. е. в золотоордынское время. Естественно, он имел смешанное население. Известно, например, что в городе жили и мусульмане, и христиане. Имеющаяся серия происходит, вероятно всего, их христианских погребений и датируется в диапазоне четырех веков: XIV—XVII вв.²⁰

Исследователи, опубликовавшие эту серию, сближают ее по основным параметрам с серией из Змейской. Однако, как мне кажется, для этого отсутствуют основания. Рассматриваемая серия отличается крайне большими размерами мозгового черепа, долихокранией, массивностью, высоким и широким, но, по указателю, скорее узким, лицом. Ближайшие аналогии следует искать среди черепов из Мощевой Балки²¹, из аланских погребений в Гамовской Балке и Балабанке на р. Урупе, из погребений у храмов на Ильичевом городище из раскопок М. Н. Ложкина и В. Н. Каминского (неопубликованные данные автора статьи). Все эти серии характеризуют население городов, т. е. являются специальными выборками.

Очевидно, что ни уровень развития теоретической мысли, ни само наличие, а тем более состояние изученности палеоантропологических материалов не представляются удовлетворительными. Вновь встают вопросы о времени формирования характерного комплекса признаков, свойственного современным осетинам, о генетических связях средневекового аланского населения с более ранним и более поздним, близким к современности, об удельном весе кавказских и аланских групп населения, хотя бы ко времени сложения средневековой осской народности.

Северокавказский процесс этно- и расогенеза — явление чрезвычайно сложное. При изучении его необходимо иметь в виду, что в различные временные отрезки соотношения субстратных и суперстратных элементов были различными. Так, говоря о кобанской автохтонной субстратной основе, на которой формировались последующие и культурные, и физические особенности предков осетин, мы должны помнить, что сама кобанская культура является образованием достаточно сложным, многокомпонентным. И, судя по работам археологов (см., например, работы Е. И. Круппова), она представляет собой явление синкретическое.

Анализ археологически зафиксированных постоянных контактов с миром степных кочевников, скифов и сарматов свидетельствует о внедрении в горскую среду многочисленных внешних импульсов, в частности иранства, которые в зависимости от характера взаимоотношений групп населения (торговля, военные столкновения, расселение, брачные связи) наложили тот или иной отпечаток на характер расообразования и этногенеза на Северном Кавказе. Последовательное включение в кавказскую этническую среду иранства способствовало постепенной языковой асиммилации на территории Северной Осетии и положило начало формированию алано-осской раннефеодальной народности.

К сожалению, многие из поставленных выше вопросов продолжают оставаться без ответа из-за отсутствия палеоантропологических серий. Новые материалы, полученные в последние годы и еще не введенные в научный оборот, касаются более позднего периода (также достаточно «темного») формирования осетинского народа.

Это XIII—XV вв., наименее документированные археологическими и письменными источниками, время социальных потрясений, разрушений устоявшихся традиций и уклада жизни, гибели огромной массы людей со всеми вытекающими отсюда последствиями для этно- и расогенеза народов Северного Кавказа и осетин в частности.

Между тем, это период, когда, по мнению большинства исследователей, происходит оформление этнического типа и основных черт культуры и быта осетин, период формирования осетинских обществ. Именно с этого времени можно говорить уже не об аланах-осах, а об осетинах как сложившейся этнической

общности со своей четко очерченной территорией, языком, экономикой и культурой²².

До недавнего времени мы не располагали никакими сведениями об антропологических особенностях населения Осетии той поры. Теперь в нашем распоряжении восемь серий. Первые три происходят из склепов под скальными навесами над сел. Дзивгис в Куртатинском ущелье, раскопанных в 1982 г. археологической экспедицией Северо-Осетинского НИИ. Ознакомление с материалами дзивгисских склепов (по Тменову) свидетельствует о том, что к концу XIV — началу XV в. осетины-куртатинцы представляли собой уже вполне сформировавшееся общество. Вместе с тем инвентарь погребенных содержал наряду с осетинскими вещами не отдельные и не случайные вещи, характерные для аланской культуры предмонгольского времени²³.

Авторы, исследовавшие этот памятник, делают вывод о преемственности средневековой осетинской культуры с аланской, о переселении населения в горы. Археологические данные позволяют предположить, что население Дзивгиса XIV—XV вв. формировалось за счет мощной миграции жителей аланских городищ, расположенных на левом берегу Терека и антропологически нам известных по Змейскому могильнику. Серия из Дзивгис состоит из 65 мужских, 25 женских и 40 детских черепов из склепов 15, 18 и 21. Исходя из значения средних, черепа характеризуются средней величиной продольного, поперечного и высотного диаметров мезокранной мозговой коробки, слабонаклонным лбом, узким, средней высоты лицом с сильно выступающим носом и хорошо профилированным переносьем.

Сопоставление изучаемой серии с суммарными сериями из позднесредневековых склепов Осетии, которые, как уже было сказано, считаются непосредственными предками осетин, иронцев, дигорцев и туалъцев, показывает ее существенное отличие от них, а также от того краниологического комплекса, который свойственен кавкасионскому типу. Дзивгисские черепа отличаются меньшими размерами мозговой коробки и лицевого скелета, а также пропорциями его, особенно значительны отличия от осетин-туалъцев. В этом же направлении идут отличия и от черепов из Змейского могильника: дзивгисские черепа несколько меньше, с более узким и низким лицом и, что особенно важно, с низким черепом. В наибольшей степени эти черепа близки к черепам из аланских могильников Западной Алании, в частности из-под скальных навесов на реках Уруп и Большая Лаба (неопубликованные данные автора), а из более поздних — из склепов Гизельдонского ущелья и несколько меньше — Куртатинского.

Кажется удивительным, что более позднее, оттесненное в горы население не обнаруживает в выраженной форме тот краниологический вариант, что свойственен современным осетинам (хотя бы за счет усиления контактов с автохтонными горскими племенами), которые, судя по находкам в Херхе в конце I-го тысячелетия н. э., уже обнаруживали эти черты. Если рассматривать материал не суммарно, а по отдельным склепам, то можно заметить его гетерогенность. Погребенные в склепах 15 и 18 отличаются от погребенных в склепе 21. Последний содержал черепа с большими размерами основных диаметров черепной коробки: максимальные величины продольного и высотного диаметров, принадлежащих категории «очень большие», отмечены именно в этом склепе. Лицо было более широкое и высокое с более высоким и относительно узким носом.

Поскольку сооружение склепов неразрывно связано с традициями родового строя, эти особенности можно считать особенностями родовой группы, а не случайными отклонениями, хотя разница в отдельных признаках, за исключением скулового диаметра, не достигает уровня статистической достоверности. Представление об антропологическом облике населения Дзивгиса может быть дополнено представительной серией из полуподземного склепа 3, датированного XVI—XVII вв. из сборов Л. Г. Нечаевой. Средние этой серии, любезно предоставленные мне А. В. Шевченко, свидетельствуют о типологическом сходстве с черепами из

склепов 15 и 18, однако отличаются от них более малыми размерами всех диаметров мозговой коробки.

А. В. Шевченко отмечает отличие этой серии от Змейской большее, «чем от любой из осетинских». Серия из склепа 21, с одной стороны, имеет большое сходство с черепами полуподземных и наземных склепов сел. Лац XVI—XVIII вв. из того же Куртатинского ущелья, а с другой стороны — со Змейской. Исходя из этого, можно предположить, что существовали определенная преемственность населения и его стабильность в Куртатинском ущелье, и тот миграционный поток из равнинных терекских городищ, который фиксируется на археологическом материале, действительно имел место, найдя свое отражение в антропологических особенностях погребенных в пещерном склепе 21. Возможно также, что антропологические особенности погребенных в склепах 15, 18 и 3, отражают специфику населения более ранних миграционных волн.

Еще одна серия происходит из каменных ящиков у сел. Верхняя Кобан в Кобанском ущелье. Раскопки проводились палеоантропологическим отрядом Ин-та этнологии и антропологии РАН в составе Северо-осетинской комплексной экспедиции в 1987—1990 гг. Инвентарь погребений позволяет датировать их, по мнению В. Б. Ковалевской, XIII—XIV вв. Значимость этой серии (33 мужских, 27 женских и 24 детских черепа) определяется тем, что до этих раскопок было известно всего 7 черепов из уже упоминавшегося могильника Херх, который, как и Верхнекобанский, связывают с местным горским населением. Морфологическое своеобразие, многочисленность и временная приуроченность данной серии требуют ее подробного рассмотрения как самой по себе, так и в ряду синхронных серий Северного Кавказа. Поэтому я ограничусь лишь кратким сопоставлением верхнекобанских черепов в рамках данной сводки.

Серия черепов из Верхнекобанского могильника характеризуется крупными размерами мозговой коробки, высоким — в отличие от склеповых — сводом, широким средневысоким лицом с сильно выступающим носом. Ближайшие аналогии серия обнаруживает с черепами из Херха, а также черепами из 21-го склепа из Дзивгиса. Последние имеют несколько меньшие размеры поперечного и высотного диаметров и несколько более узкое лицо с более коротким носом. Следует сказать, что эти отличия недостоверны по отдельным признакам, но намечают некоторую тенденцию. Особенно четко она проявляется при сравнении верхнекобанских черепов со сборной серией из Гизельдонского ущелья.

Гизельдонская серия²⁴ из склепов селений Джимара и Хуссар отличается сдвигом в сторону долихокрании, значительным уменьшением скуловой ширины и низким черепом. Эти различия складываются в комплекс, отличный от характерного для черепов из каменных ящиков того же ущелья. Наибольшее же сходство верхнекобанские черепа имеют с черепами из склепов «города мертвых» в Даргавской котловине²⁵. Сравнение свидетельствует об их существенной близости в величине основных диаметров черепа и лицевого скелета. Это сходство представляется мне весьма показательным.

Дело в том, что Кобанское ущелье и Даргавская котловина соседствуют. Их разделяет Кахтисарский перевал, выше которого нет катокомбных аланских могильников. Есть все предпосылки считать Даргавскую котловину одним из немногих оплотов горского аборигенного населения. Она заселялась аланамисами уже в послемонгольское время, поэтому можно предположить более значительный удельный вес местных элементов в формировании антропологических особенностей населения Даргавской котловины. Или даже допустить, что она заселялась не алано-осами, а местным населением Кобанского ущелья, вовлеченным аланами в процесс культурной и этнической интеграции.

Резко выраженная морфологическая специфичность новых материалов с территории Северной Осетии подтверждает высказанное В. П. Алексеевым предположение о широколищести и брахикрании горского населения, во всяком случае в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия н. э. Веским аргументом в пользу этого являются антропологические материалы из грунтовых погребений у сел. Эдиси,

обнаруженные при раскопках древнего городища, датируемого XI—XIII вв. н. э. и называемого местным населением «царциатскими». Серия состоит из 4 мужских и 1 женского черепа. Черепа брахикранные, с сильно развитым рельефом, массивные, с очень широким и высоким лицом, низкими орбитами, сильно выступающим носом. Р. С. Кочиев, любезно предоставивший мне возможность ознакомиться со своими неопубликованными материалами и воспользоваться ими для сравнения, считает, что в верховьях р. Лиахвы уже в начале 2-го тысячелетия существовал своеобразный краниологический вариант, получивший название кавкасионского. Однако время его формирования можно отнести на несколько веков назад, поскольку уже в VII в. в Сиони в Грузии он был зафиксирован Э. Н. Джавахишвили²⁶. Кстати сказать, расстояние между Эдиси и Сиони около 20 км.

Две следующие серии с территории Южной Осетии, более позднего времени, также происходят из царциатских могильников. Они представляют собой каменные ящики, углубленные в землю, перекрытые в отличие от Верхнекобанского могильника не плитами, а камнями, образующими прямоугольную плосковершинную пирамиду высотой до 1 м над уровнем земли. Первая серия получена из могильников Рокского ущелья, вторая — из ущелья Сба в верховьях р. Лиахвы. Обе серии были изучены Р. С. Кочиевым и характеризуются им как типологически близкие к черепам из Эдиси. Однако более поздние черепа из Рокского ущелья и Сба по сравнению с черепами из Эдиси имеют несколько меньшие размеры мозговой коробки и несколько меньший указатель при такой же величине лица. Скуловая ширина на черепах из каменных ящиков в Роки, Сба и Эдиси значительно больше, чем на черепах из склепов, собранных В. В. Бунаком в верховьях р. Лиахвы.

Оценивая морфологическую специфичность серий с территории Северной и Южной Осетий, следует признать, что горское население действительно уже в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия обнаруживало тот комплекс признаков, который сейчас ассоциируется с кавкасионским антропологическим типом. Время формирования его отодвигается, по крайней мере, на тысячу лет вглубь по сравнению с тем представлением, что осетины стали широколицыми только за последние столетия²⁷. Значит ли это, что горское население сыграло в формировании физических особенностей осетинского народа существенную роль, что влияние аланского суперстрата выразилось лишь в победе языка и некоторых культурных новаций? Такой подход кажется несколько упрощенным. Ему противоречат антропологические особенности погребенных в склепах Осетии XVI—XVIII вв. и навесах у сел. Дзивгис.

Если проанализировать межгрупповую изменчивость признаков мозгового и лицевого черепа у населения постмонгольского времени Северного и Центрального Кавказа и сравнить ее с изменчивостью признаков у современного или близкого к современности населения той же территории, можно прийти к следующему заключению: изменчивость отдельных признаков в средневековых сериях больше и сочетания их разнообразней, чем в современности. Представленные дзивгисскими склепами 18, 15, 3 осетинские серии и ингушские из каменных ящиков у аула Кели отличаются низкоголовостью и небольшими размерами лица и высоты носа. Верхнедзулатская, верхнекобанская, дзивгисская из 21-го склепа, юго-осетинские серии обнаруживают, напротив, ширину лица выше средней величины или большую. Раздвинулись границы варибельности высоты лица и носа, размах по этим признакам достигает почти двух стандартов, в 3 и более раз превышая его по сравнению с современными сериями. Сетевидное сходство, т. е. по одним признакам с одними сериями, а по другим с другими, существующее между сериями из склепов Джимара и Хуссар Гизельдонского ущелья с сериями из Дзивгиса из склепов 18, 15, 3, а серий из каменных ящиков Верхней Кобани с сериями из склепов Даргавса, 21-го склепа Дзивгиса и склепов Лаца XVI—XVIII вв., верхнекобанской серии с позднесредневековыми сериями из верховьев Большой Лиахвы, показывает, что процесс метисации алано-осского и горского населения имел длительную протяженность и выраженную специфику в отдельных

этнолокальных группах, проявляющуюся не только в пределах диалектного деления осетин, но и, видимо, в рамках отдельных обществ, в частности тагаурского, куртатинского и туалъского.

Вся сумма археологических и исторических данных свидетельствует о том, что на Северном Кавказе в процессе этнообразования существенная роль принадлежала миграциям. Соотношения субстратных и суперстратных элементов в расогенезе осетин в различных этнолокальных группах и в различные периоды средневековья показывают, что процесс этнообразования не ограничивался лишь культурными контактами, что имело место и биологическое смешение. Об этом свидетельствует и сравнительный анализ матриц таксономических расстояний между средневековыми и близкими к современности сериями.

Исходя из величин средних таксономических расстояний, можно с большой уверенностью сказать, что современные кавказские группы, относимые к кавказскому и понтийскому антропологическим типам, не отличаются, исходя из краниологических данных, большой морфологической специфичностью, а наблюдаемая картина сетчатого сходства мало корреспондирует с гипотезой изоляции как преимущественным фактором дифференциации групп. Сравнение матриц суммарных расстояний от раннего средневековья к современности показывает, что количество близких связей уменьшается от эпохи, близкой к современности, до позднего средневековья от 72 до 19% и несколько увеличивается по сравнению с поздним средневековьем (до 24%) в домонгольское время. Наибольшее количество близких связей обнаруживают в раннем средневековье серии, связанные с аланским и адыгским этносом (Гамовское ущелье, Балабанка, Мошевая Балка, Дуба-Юрт, Казазово). Почти втрое дальше отстоит от всех прочих серия из Южной Осетии, из Эдиси, являя пример яркой морфологической специфичности и представляя собой противоположный вариант сериям из аланских могильников.

Этим наблюдениям, видимо, можно дать историко-этнологическое толкование. Как известно, в этнической истории осетин выделяют несколько периодов, различающихся демографической ситуацией, территорией формирования этноса и выраженностью интеграционных процессов. Время формирования раннесредневековой народности алано-осов — это период наибольшего благоприствования. Основу этого процесса, происходившего на обширных территориях равнинного Предкавказья, составил синтез ираноязычного населения и местных племен, относящихся к абхазо-адыгскому массиву и восточнее представленных населением кобанской культуры. В антропологическом плане интеграционные процессы происходили под знаком аланской доминанты. Горское население было слабо втянуто в эти процессы. Особенности именно этого — аланского — населения: долихокранию, узколицевость, узконосость мы обнаруживаем у населения Осетии, сохранившего аланские традиции скальных погребений (Дзивгис) и позднее хоронившего умерших в склепах. Возможно, как раз связи с древним адыгским населением объясняют сравнительно небольшую высоту черепа в сериях из склепов Осетии, несвойственную местным горским племенам.

Вторым важным моментом этногенеза осетин являются массовые миграции равнинного населения в горы после разгрома Алании Чингизидами. С середины XIII в. горные ущелья стали основной территорией формирующегося осетинского народа. Именно в это время горское население оказывается втянутым в процесс этнической и антропологической интеграции, что позволило избежать в какой-то мере отрицательных демографических последствий разгрома. Одним из механизмов вовлечения горского населения в этот процесс могло явиться многоженство у осетин, которое расширяло круг брачных связей. Однако этнической консолидации осетин вновь был нанесен сокрушительный удар, на этот раз в результате экспансии Тимура, приведшей к уничтожению огромной массы людей.

Это трагическое событие, безусловно, имело далеко идущие последствия, поскольку нарушение демографической структуры популяции, неизбежное при таких потерях, вызывает сокращение доли мужского населения, нехватку брачных партнеров, возможное увеличение близкородственных связей и распростра-

нение болезней, обусловленных рецессивными генами. Именно в это время увеличивается роль местного горского населения в формировании антропологических особенностей осетин, поскольку в черепных сериях возрастает процент короткоголовых и широколицых черепов. Еще одна демографическая катастрофа приходится на конец XVIII — начало XIX в., когда население уменьшилось с 200 тыс. чел. до 20 тыс.²⁸ в результате «моровой язвы».

Демографическая картина несколько улучшилась после переселения осетин на предгорные равнины: к 1833 г. их было зафиксировано уже 35 тыс., а к 1860 г. — 66 тыс. чел. Переселение сопровождалось ломкой устаревших патриархальных отношений, расширением круга брачных связей, происходил процесс сужения кровнородственного круга связей и разрастания территориальных связей. Имеются хорошо документированные свидетельства тесных контактов, включающих и брачные связи, с кабардинцами. Есть данные о переселении значительного количества осетинских семей в Балкарию и балкарских семей в Дигорию. О тесных этнокультурных контактах осетин и ингушей и о браках между ними свидетельствуют осетино-ингушские поселения в Джерахском ущелье, в низовьях р. Армхи²⁹. Именно этими соображениями можно объяснить ту степень морфологической специфичности современных кавказских популяций, которая, как уже говорилось, свидетельствует о наличии сетчатого сходства и близких таксономических расстояний между сериями осетин, кабардинцев и ингушей.

Цель настоящей статьи — вновь поднять вопрос о происхождении осетинского народа, дискуссионность которого до сих пор не может быть разрешена из-за отсутствия хорошей фактологической базы. Новые материалы из склепов Дзивгиса и каменных ящиков Верхней Кобани являются существенным дополнением к имеющимся материалам, однако основной вопрос — об интенсивности взаимодействия между аланскими и горскими племенами и удельном весе каждого из них в расо- и этногенезе осетинского народа — продолжает оставаться открытым. Имеющийся палеоантропологический материал свидетельствует о преимущественном распространении на территории Северного Кавказа узколицых долихокраничных вариантов, начиная с эпохи бронзы, и о постепенном уменьшении продольного диаметра и расширении мозговой коробки и лица на территории современного существования кавкасионских групп популяций.

Новые серии из Южной Осетии и из каменных ящиков Верхней Кобани подтверждают идеи В. П. Алексеева о широколицести и круглоголовости автохтонного горского населения. Однако наличие в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия таких вариантов в могильниках автохтонного горского населения ни в коей мере не является подтверждением гипотезы консервации древнего археоморфного комплекса в условиях изоляции с древнейших времен.

Проблема формирования антропологических особенностей современных осетин отнюдь не сводится к проблеме происхождения кавкасионского антропологического типа. С большой долей вероятности можно сказать, что преобладающим антропологическим типом населения Алании и Северной Осетии к моменту образования алано-осской народности был понтийский. Антропологические особенности погребенных в дзивгисских и осетинских склепах, датируемых не позднее XVIII в., говорят о значительном влиянии аланского компонента на формирование физиономических особенностей осетин, живших два столетия назад, чему способствовали родовая экзогамия и связанное с ней продолжительное сохранение постоянного круга брачных связей. Когда же произошло столь сильное изменение физического облика, что черты, свойственные горскому населению, стали превалировать? Видимо, это произошло за последние два столетия, как и предполагали В. В. Бунак и Г. Ф. Дебец. Этому способствовали следующие обстоятельства: разрушение патриархально-родовых отношений у осетин в связи с обратным переселением на равнины и демографическая катастрофа конца XVIII — начала XIX в. Можно предположить, что изменение круга брачных связей, продолжавшееся несколько поколений, привело к сдвигу размерных характеристик черепа и лица, вызвало так называемые эпохальные изменения в головном ука-

зателе. Дополнительным фактором, приведшем к изменению физического облика в указанном направлении, можно считать последствия демографической катастрофы, которые обусловили более интенсивное вовлечение в интеграционные процессы горского населения.

Примечания

- ¹ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- ² Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
- ³ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. Т. 4. М.; Л., 1948; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография (далее — СЭ). 1969. № 6; *его же*. Этнос и этнография. М., 1973; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа; *его же*. Историческая антропология. М., 1979.
- ⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949; Ванев З. Н. Средневековая Алания. Цхинвали, 1959; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; *его же*. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- ⁵ Абдушелишвили М. Г. Материалы к краниологии Кавказа // Тр. Ин-та экспериментальной морфологии АН ГрузССР. Т. 5. Тбилиси, 1957. С. 350—392; *его же*. Таксономическое значение скулового диаметра для антропологической классификации современного населения Кавказа // Современная антропология // Тр. Москов. о-ва испытателей природы (далее — МОИП). Т. 14. М., 1964.
- ⁶ Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб. С. 163.
- ⁷ Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964; *его же*. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966; *его же*. Антропологический генезис аборигенного населения Кавказа // Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация // Тр. МОИП. Т. 18. М., 1972; Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сб. 4. Тр. Ин-та этнографии. Т. 82. М., 1963; *его же*. Антропологические данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967; *его же*. Происхождение народов Кавказа; Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; *его же*. Древнее население Дагестана по данным краниологии. Махачкала, 1975; Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас (по поводу статьи В. В. Бунака «Человеческие расы и пути их образования» // СЭ. 1956. № 4; *его же*. Антропологические типы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
- ⁸ Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб. С. 15.
- ⁹ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница (3 тыс. до н. э.). Нальчик, 1973; *его же*. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // Восьмые Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.
- ¹⁰ Батчаев В. М. Погребальные памятники у с. Лечинкай и Балым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Памятники эпохи бронзы. Нальчик, 1984.
- ¹¹ Герасимова М. М. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // СЭ. 1976. № 5; Герасимова М. М., Яблонский Л. Т. К вопросу о среднеазиатско-северокавказских этнических связях в сарматское время // Лингвистическая реконструкция и древняя история Востока. М., 1989.
- ¹² Абдушелишвили М. Г. К краниологии... С. 80, 81.
- ¹³ Шевченко А. В. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983; *его же*. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986.
- ¹⁴ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР; Бунак В. В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М.; Л., 1953.
- ¹⁵ Алексеев В. П. К характеристике морфологической специфичности кавказских народов по краниологическим данным // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. М., 1986. С. 225—279.
- ¹⁶ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.
- ¹⁷ Алексеев В. П. Происхождение... С. 112.
- ¹⁸ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии. Т. 106. 1962; *его же*. Очерки истории алан.
- ¹⁹ Шевченко А. В. К краниологии Предкавказской Алании X—XII вв. н. э. (По материалам раскопок Змейского могильника 1981—1983 гг.) // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- ²⁰ Алексеев В. П., Бесплюева К. Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Материалы и исследования по археологии. Т. 114. М., 1963.
- ²¹ Герасимова М. М. Краниология могильника Мощевая Балка // Археологич. открытия на новостройках. Вып. 1. 1986.
- ²² Тменов В. Х., Кузнецов В. А., Гутнов Ф. Х., Тотоев Ф. В. Северная Осетия в XIV—XV вв. // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Орджоникидзе, 1987.
- ²³ Тменов В. Х., Кузнецов В. А. Указ. раб.

- ²⁴ Бунак В. В. Черепа из склепов...
²⁵ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа.
²⁶ Джавахишвили Э. Н. Сионская краниологическая серия//Абдушелишвили М. Г. К краниологии...
²⁷ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР; Бунак В. В. Черепа из склепов...
²⁸ История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе. 1987.
²⁹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974.

Paleoanthropology of North Ossetia: to the Problem of Ossetians Genesis

The article focuses on the discussion of the Ossetian origin. New materials from the Middle Ages cliff sheds and stone cases are assessed on a wide comparative background. The author claims that the specific features of the Ossetian anthropological type could not be explained by preservation of the ancient protomorphic type; craniological data thus contradict the isolations model.

M. M. Gerasimova

© 1994 г., ЭО, № 3

А. Г. Т и х о н о в

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

(по материалам могильника Верхняя Кобан)

В в е д е н и е. Северный Кавказ — регион, поражающий палеоантрополога обилием нерешенных проблем. Пожалуй, главная причина этого — недостаток материалов. Многие серии эпохи средневековья, не говоря уже о более ранних периодах, являются сборными и содержат материалы различных могильников, зачастую географически достаточно удаленных друг от друга. Подобная ситуация делает антропологическое исследование региона весьма сложным. Именно поэтому становится понятным смысл и значение данной работы. В ней вводится в научный оборот материал, чрезвычайно интересный для творческой разработки.

Палеоантропологический материал из могильника Верхняя Кобан (Северная Осетия) был получен в ходе работы палеоантропологического отряда Северо-осетинской комплексной экспедиции Ин-та этнологии и антропологии РАН. Автор раскопок — д-р ист. наук В. Б. Ковалевская. Материалы 1987 и 1988 гг. были собраны канд. ист. наук М. М. Герасимовой, а 1989 и 1990 гг. — автором данной статьи.

Материал из Верхней Кобани своеобразен. Что касается его датировки, то, по устному сообщению В. Б. Ковалевской, время существования могильника — XIII—XIV вв. н. э. Следует отметить, что эта эпоха — одна из самых драматичных на Северном Кавказе — эпоха монголо-татарского нашествия, нарушившего нормальный ход этногенеза в регионе и вытеснившего алан в горные ущелья¹. Если при этом учесть, что вехнекобанский могильник расположен на одном из отрогов Гизельдонского ущелья, то становится понятным его значение для решения проблемы алано-горских отношений. Количество антропологического материала из могильника достаточно велико (65 черепов и 38 костяков), причем раскопано более 50% всей площади могильника (устное сообщение В. Б. Ковалевской). Как мы уже отмечали, время существования могильника достаточно невелико — менее 200 лет. Оба эти обстоятельства дают возможность заключить,